

О задачах культурной политики в современном обществе

Александр Иванов, кандидат социологических наук
Вадим Семенов, кандидат философских наук
Факультет социологии СПбГУ

Культурная политика - это управление тем или иным видом культурной деятельности, осуществляемое бюрократией (имеются в виду не только государственные чиновники, но и руководство различных творческих объединений национального масштаба). Такова политика в области театра, музыки, кинематографа, живописи, прикладного искусства, народного творчества, которая базируется на понимании культуры как производства неких продуктов (законченных произведений), про которые считается, что они - культура.

Такое понятие культурной политики возникло в сороковые-шестидесятые годы XX века - культура воспринималась и пропагандировалась как набор универсальных ценностей, которые необходимо донести до широких масс, тем самым, представив им лучшие достижения прошлого, служащие достойным примером для подражания ¹.

В этот период подобное восприятие культурного процесса являлось одинаковым как на Западе, так и в Советской России и в целом соответствовало господствовавшей «европоцентристской» модели соотнесения с идеалом (непостижимым и совершенным), помещенным либо в классическое прошлое (платонизм Ренессанса), либо вообще во вневременную реальность мышления и разума (рационализм Просвещения). В обоих случаях выстраивается иерархическая система, в рамках которой любой артефакт оценивается по степени его приближенности к некоему универсальному образцу — идеалу. Это, в свою очередь, изначально ограничивает круг явлений, которые могут быть «отнесены по ведомству культуры». Однако не ясно, почему что-то относят к культуре, понимаемой так, а что-то из нее исключают. Ведь идеалы – не объективная реальность, а субъективные образы желаемого будущего, за которым всегда стояли интересы определенных социальных групп, их предпочтения и осуждения образа человеческой жизни, социального устройства, той или иной системы социальных ценностей. Начиная с античного противостояния гедонизма и стоицизма и заканчивая современными версиями либерализма и патернализма, мы постоянно сталкиваемся с оппозициями идеалов общественной жизни.

Сложный комплекс идей: с одной стороны - оппозиция природы и культуры, а с другой - оппозиция цивилизации и культуры ², существует в европейской истории,

¹ Это определение используется и в современной учебной литературе: «Существуют как бы две главные разновидности этого толкования: культура - форма коммуникаций, принятая в данном обществе или общественной группе, и культура - совокупность достижений людей.» // Введение в культуроведение. Рождественский Ю. В. Изд-во: М.: Добросвет, 2000 год.

Культура представляет собой «всю совокупность материальных и духовных ценностей, созданных на нашей планете и образующих ее «вторую природу». Она всегда обращена к человеку и реализуется в области его отношений с естественной средой, другими людьми и самим собой. Индивид воспринимает мир не иначе как сквозь призму культуры и действует, в большей или меньшей степени вбирая в себя ее богатство. «Цивилизация как определенный уровень развития культуры» рассматривается в качестве пространственно-временного среза ее функционирования. (Культурология.- М., 1983).

«Культура является важнейшим носителем традиций, сформировавших российский народ как единую общность и составляющих основу российской государственности.», «Неизменным приоритетом для нас остается сохранение накопленного веками культурного наследия.» из выступления Президента РФ В.В.Путина на заседании Госсовета № 10 "Приоритеты развития российской культуры", 16 июня 2003 года, Санкт-Петербург

² Цивилизация вообще есть то, что не может дать человеку природа, то есть социальная и индустриальная основа развития общества: государство и его институты, транспорт, информационно-компьютерные сети, способы ведения хозяйства и т.д. Все это создается трудом поколений для удовлетворения определенных материальных потребностей людей. Культура вообще есть то, что не может дать человеку цивилизация. Она рождается в результате творчества конкретных личностей, способных создавать то, чего до них и кроме них никто не создавал и не мог создать. Культура есть выражение более устойчивого, самобытного и индивидуального, а цивилизация -

иногда выдвигаясь на передний план, как в эпоху Возрождения, иногда отходя назад, как в Новое время. В конце XIX века это (историческое) поле проблем, парадоксов и противоречий было дополнено (логическим) различием функциональной и морфологической трактовок. Тейлор и его последователи трактовали культуру как совокупность материальных организованностей нашей деятельности (субстанция, «экономика»), а ряд функционалистов, и, прежде всего, структурные антропологи и социологи типа Бронислава Малиновского, Брауна и некоторых социологов Чикагской школы, стали трактовать культуру функционально, утверждая, что культурой является все то, что нормирует наше поведение и деятельность (субъект, «политика»). Согласно такой позиции культура есть совокупность актуальных норм, на которые мы ориентируемся в процессах поведения и деятельности.

Но при такой функциональной трактовке непонятно почему один объект становится образцом для подражания и в этом смысле - культурной нормой, знаком, а другой таковыми не является и не становится? Есть ли какая-нибудь внутренняя причина (закономерность), по которой те или иные материально-морфологические образования нашей деятельности (артефакты) выполняют нормативные функции, а другие не выполняют? Сама по себе материальная природа артефакта не определяет, будет он нормой или не будет. Даже очень похожие по своей материальной природе артефакты, одни - становятся нормами и, стало быть, - культурой по функции, а другие не становятся. Например, гуманизм, обычно рассматриваемый как универсальный идеал культуры, не только исторически эволюционирует, но и в настоящее время по-разному понимается различными общественными группами и неодинаково оценивается в различных типах культур. За гуманизмом тянется исторический шлейф западноевропейской культуры, в гуманистическом идеале доминируют ценности западной цивилизации. Для России, которая ищет свою идентичность в культурном пространстве от Востока до Запада, споры о гуманизме приобретают особую, всякий раз политическую остроту: легче провозгласить приоритет личности и право на свободный выбор, чем осуществить его на деле.

Не прекращавшиеся на протяжении всего XX века попытки технологизировать политику привели к появлению нового класса политических технологий. Интенсивная политизация культурных факторов самого разного рода: этнических, языковых, конфессиональных, просто локальных групп культурных норм - нацелена превратить все это в предмет политики. Формирование новых подходов или новых методов культурной инженерии происходит на фоне глобального кризиса культурных идентичностей³, где уже не традиция, а mass media превращаются в инженерию

общего и неспецифического. Являясь творческой деятельностью отдельных личностей, культура в значительной мере определяла и будет определять характер той или иной цивилизации. Однако культуру не следует противопоставлять цивилизации как единичное (все)общему. Культура - это особенная форма существования общего, то есть выражение самого совершенного, что достигается цивилизацией - триумфа человеческого. Культура - это мастерство, квалификация, в которой субъект общественно-исторической практики показывает себя как личность - автор, мастер. Но его творение предназначено другим. Культура требует общения, вне общения она умирает. В общении реализуется общезначимость культурных ценностей и норм. Но как наиболее совершенное достижение цивилизации культура не доступна всем в равной степени, она не универсальна, то есть обладает общезначимостью лишь для круга людей, которые ее понимают. Чем выше уровень культуры, тем меньше удельный вес членов общества, понимающих ее. Всякая цивилизация гордится своей культурой, но испытывает трудности в том, чтобы сделать своим фундаментом верхние этажи культуры, которые недоступны широким народным массам. Последним доступна массовая культура, культура, обедненная по сравнению с высокой культурой, ценностными ориентирами.

³ В переломные эпохи на первый план выступают два универсальных феномена — кризис культурной идентичности и культурный синтез. Кризис идентичности означает не только и не столько кризис отдельных личностей, коллективов, групп как носителей определенных культурных смыслов (знаний, ценностей, норм, практик), сколько кризис самого мира смыслов. Отсюда возникает потребность в создании новых культурных смыслов (идеологий), охватывающих различные сферы картины мира: интеллектуальную, этическую, эстетическую, религиозную, художественную. Как результат — происходит сложение новой культурной целостности и адекватной ей идентичности. Элементы нового вводятся не только путем творческой деятельности, но и посредством критического переосмысления культурного наследия, приписывания новых значений «старым» традициям и

культурных норм. В связи с этим кризисом культурных идентичностей идет формирование нескольких новых моделей развития, применяемых к различным регионам, как территориальным, так и экстерриториальным. Конкурирующие модели развития выставляются на модельный идеологический рынок. И кто-то получает возможность сравнивать и сопоставлять то, что раньше не было сопоставимо, потому что модель была одна, или вообще ни одной не было. То есть они не рефлексировались именно как модели развития, как то, что можно структурировать и из чего можно выбирать. И именно в связи с этим - резкое повышение мобильности человека. В тот момент, когда мы входим в ситуацию наличия многих моделей развития, резко повышается число валентностей и измерений мобильности человека.

По всей видимости, тот тип исторического субъекта (человека, как социальной субстанции-субъекта⁴), который всегда существовал и очень часто свидетельствовал о своем существовании через фиктивные или специально создаваемые институты, трансформируется. Растет значение коммуникации и коммуницирующих общностей - группа превращается в самостоятельного субъекта деятельности, временного, неустойчивого, с неясной границей, но при этом являющегося историческим субъектом. Такие группы людей не связаны непосредственно ни традицией, ни общим образованием, ни общей деятельностью, но связаны общим пониманием или интерпретацией ценностей или видением исторической перспективы. В этой ситуации культура перестает быть сферой только и собственно политики государства. Это, скорее, одна из тенденций развития общества, ориентированного на определённые культурные ценности и нормы, своего рода модель развития государства, отношений между человеком и социумом. Если это так, то культурная политика – суть ориентация на определённую модель общества, усилия которого направлены не только на сохранение культурных ценностей (традицию), но и на конструирование культурных норм (модернизацию)⁵.

Культурная политика - это то, что превращает культуру, культурные нормы в предмет деятельности, во-первых, рефлексии, а во-вторых, социальной инженерии.

Мы начинаем создавать нормы, внедрять их в те или иные социальные группы, или превращать эти группы в носителей новых норм. В этом смысле культурная политика - это своеобразная инженерия культуры, или культуртехника, как иногда говорят⁶. Можно сказать, что сегодня не существует, например, легкой промышленности вне культуртехники, потому что сначала имиджмейкеры проектируют «моду», создают новые наборы культурных норм - нормируют бытовое

ценностям. (А.В. Карпов Категория «социально-культурное движение» в исторической культурологии// Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12)

⁴ Человек как социальная субстанция-субъект ... парадоксальным образом антисоциален. Если бы он был «общественным животным», то тогда согласие предшествовало бы разногласию. И прав был бы Аристотель. Ибо нельзя быть общественным существом без согласия с другими. Но за «согласие» Аристотель заплатил отказом от идеи развития. И.Кант - человек прогрессивных взглядов, теоретик эпохи просвещения - выступил против Аристотеля. Ведь, если согласие предшествует разногласию, то тогда нет возможности для прогрессирующего изменения. Человеку не во что (главное, нет смысла!) изменяться. У него нет пространства расширения. И он должен довериться природе. А это значит, что человек перестает быть «делом человека», то есть тем, что еще нужно сделать, иначе говоря, субстанцией - субъектом. Политическая экономия К.Маркса, в сущности, реализует понятие субстанции-субъекта как единства экономического и политического.

⁵ Культура - это всегда творчество, деятельность, ценностное отношение к себе и другим по законам красоты, истины и добра. Воплощением красоты является искусство и соответствующие эстетические нормы; истины – мышление и соответствующие логические нормы; добра – практика и соответствующие этические нормы.

⁶ Щедровицкий П.Г. Концепция или понятие культурной политики. // "Концепция или понятие культурной политики (сборник лекций)". - Кемерово, 1991

поведение. Стиль одежды - это элемент этого поведения ⁷. И именно в этой связи организуется и реорганизуется производство ткани, одежды и конкретно уникальных экземпляров брюк. Перенос акцента с традиционного представления о «ресурсах для культуры» на «культуру как ресурс» является наиважнейшим для культурного менеджмента в целом и самым непосредственным образом влияет на статус и роль культурного менеджера в культурном сообществе.

Цели сохранения и развития культуры становятся смыслом и задачей политической деятельности. И в этом плане мы перестаем говорить об экономической политике, о социальной политике или еще какой-либо политике, а начинаем говорить о культурной политике в том смысле, что вся политика проводится для культуры, ради культуры и в связи с культурой, культура есть смысл и цель политической деятельности, а все остальное - средство. Итак, целью политики является не «цивилизация», а «культура». И если вы хотите где-либо провести реформы, то думайте не о «цивилизации». Понятно: паровозы должны ездить, дороги должны быть отремонтированы, телефоны должны звонить - это все элементы цивилизационной инфраструктуры. Но смыслом и целью политики является не то, чтобы некая страна стала столь же цивилизационно обустроенной, как другие. Это - само собой. А чтобы она осталась источником развития существующих и создания новых культурных норм ⁸.

Культурная политика производит новые смыслы в коммуникации и понимании, создает культурные гештальты и «перцептивные конфигурации», а за счет этого — создает пространства для возможных и допустимых в рамках данного культурного архетипа поступков. Активизируя работу представления (проектирование) и создавая новые методы объективации представлений (моделирование), культурная политика превращается в борьбу за распространение и внушение определенных представлений (проектов), одновременно превращаясь в борьбу за возможность сохранять или трансформировать условия творческой человеческой деятельности. П.Бурдые указывал, что тот, кто обладает возможностью называть, может «вызывать к существованию при помощи номинации» ⁹. Если процесс самоопределения - погружения в полноту гуманитарного смысла - не проявит себя, то там, где он себя не проявит, — сообщества и институты будут вымываться и отмирать.

В самоопределении может помочь проектный подход. План (наследие централизованной культурной политики) определяет перечень мероприятий независимо от контекстов, которые, напротив, очень важны для проекта. Проектный подход в своей основе содержит идею цели, которая доминирует, а ее достижение определяется структурой и объемом существующих у управленца ресурсов. Важная управленческая технология — «масштабирование проекта». Эта процедура предполагает ответ на вопрос, в каком системном или полисистемном контексте и в каких действиях других субъектов этот проект будет реализовываться. То есть — это

⁷ Еще в 60-е годы в англоязычных комментариях к модным картинкам преобладало слово *style*, на месте которого затем появляется другое, *look*. Эта мелкая лексическая деталь весьма характерна. Стиль, как формулировал Бюффон - это человек, это то, что он есть, *стиль не выбирают, или выбирают, подчиняясь некоему внутреннему императиву. А look - это то, чем человек кажется или хочет казаться, он вполне произволен, его можно выбирать и менять*. Продукт постмодернистской художественной деятельности - эдакая обязательная выставочная ситуация, распространившаяся на всю культуру. Ведь для возведения объекта в ранг произведения искусства необходим подтверждающий оценку контекст. (Калугина Т. Музеефикация или мумификация культуры? // Terra Incognita №1-2, 1994)

⁸ Общества, позитивно ассимилировавшие идею гражданства и взявшие под контроль способы использования государственного аппарата, стремятся через политические механизмы и демократические процедуры оказать влияние на всемирное системное развитие. (Щедровицкий П.Г. С чем войдем в XXI век? / «Знание-Сила», 1991, N 7)

⁹ Классы на бумаге // П.Бурдые Социология политики. - М.: Socio-Logos, 1993

определение того, кто еще играет на этом поле, какие прогнозируются действия этих игроков, и что это означает для проекта.

Если мы имеем дело с несколькими не совпадающими по своим интересам и направленности субъектами, с разными группами и типами целей, то необходим уже программный подход. Программа (или алгоритм деятельности) — это система представлений и стоящая за ними техника управленческой работы, которые основаны на оценке шансов и ориентированы на задачи поэтапного развития (step-by-step). Программный подход может завершаться и не программой, а таким специфическим документом, как сценарий. В нем выделяются ключевые точки увязки интересов разных субъектов и точки принятия решений об изменении направления (переключении стратегий) деятельности.

Культурная политика в принципе ориентирована на развитие общества ровно в той мере, в какой она строится на выборе приоритетов деятельности. Здесь есть проблема, связанная с различием ценности и цели. В разные времена мы должны для себя решать вопрос — на что мы ориентируемся, прежде всего, на ценностное или целевое поведение. С ценностной ориентацией связана охранительная тенденция в деятельности. Если она доминирует, то мы следуем традиции, пытаемся сохранить все, как есть, не замечая, что окружающий мир изменился. Когда идет эпоха перемен — и это объективный процесс, — происходит частичная девальвация ценностей. И мы должны от чего-то отказаться¹⁰.

В июне 2003 года на заседании Госсовета Президент России В.В.Путин сформулировал две основные задачи государства в сфере культуры — *“защитить свободу творчества и обеспечивать доступность культуры для граждан”*, заметив, что *“при этом распределение средств на нужды культуры должно быть публичным и прозрачным”*¹¹. Культурная политика последних лет была эклектичной, но по-своему последовательной. Ущемлений свободы творчества не наблюдалось, бюджетные ассигнования на культуру худо-бедно возрастали, особое внимание государство уделяло крупным проектам, укрепляющим его державный имидж. Постоянно звучащие тезисы о единстве российской истории и выраженная ностальгия по советскому, пышное празднование 300-летия Петербурга и особая забота о статусных объектах, которые могут выигрышно представлять страну за ее пределами (Большой и Мариинский театры, Эрмитаж), успешная борьба Минпечати за право России стать почетным гостем Франкфуртской книжной ярмарки (с последующей отправкой во Франкфурт более ста писателей) и возрастание роли государства в кинопроизводстве (только так можно догнать и перегнать Голливуд), крупные меценатские проекты (обычно с «экспортным» акцентом) и эффектные дары бизнесу государству (приобретение пасхальных яиц Фаберже), оголтелое засилье попсы на ТВ (свобода!) и перманентная истерика по этому поводу (культура!) — все это работало на миф о достигнутой стабильности, национальном примирении и возрождении державной мощи. Власть заботилась о том, что могло укрепить ее репутацию, предпочитая “готовые” модели и ценности (в этом плане “Черный квадрат” равен изделиям Фаберже, а установка на юбилейные празднества — заботе о компьютеризации школ).

¹⁰ Ценность (социо)культурных проектов может быть определена через их отношение к наследию. Ущербной является та культурная политика, в которой наследие рассматривается как “пассивный” фактор, незначимый для формирования будущего (проекта), история мыслится как конструируемая заново в зависимости от исходной установки одного или другого: “реконструируемого” утопического проекта “золотого века” традиционалистов или же модернистского проекта “под” рыночную экономику. И там, и тут отношение к наследию по сути одинаково: как к некоторой “неизменной” структуре, как к складу древностей, которые можно произвольно переструктурировать или вообще забросить в дальний чулан истории. (Научные принципы или “принципиальная” конъюнктура? К проблеме методологии культурной политики. // Е.Н. Селезнева, «Полис», №1, 1998.)

¹¹ Заседание Госсовета № 10 “Приоритеты развития российской культуры”, 16 июня 2003 года, Санкт-Петербург. Архив заседаний Госсовета РФ и Президиума Госсовета РФ <http://president.kremlin.ru/stcevents/2004.shtml>

Куда хуже дело обстояло с поддержкой творческих новаций и серьезной рефлексией над прошлым. То и другое подразумевает ответственный выбор, а не желанное благолепие. «Культурный имидж» удался лучше, чем решение конкретных проблем¹². В том же, что касается непосредственно оснований культурной политики, на уровне официальной идеологии их предлагается усматривать в соотношении модернизационных и традиционных факторов в различных сферах социокультурной деятельности¹³.

Если попытаться обобщить размышления разных людей об инструментах культурной политики, то деятельность культурного политика сочетает деятельность предпринимателя и деятельность управленца, мобилизующих «общественную волю». Однако, необходимо помнить, что общественной воли не существует, есть только индивидуальная воля¹⁴. Возможна лишь общественная цель, как единство коллективной апперцепции, предполагающее либо насилие, либо коммуникативные техники. Выработка коммуникативной стратегии гражданского общества – это попытка установления конвенции по поводу общественных целей. В конечном же счете – это вопрос культурного выбора элиты общества в пользу существующих традиций или обретения новых путем социальной инженерии.

В конце шестидесятых – начале семидесятых годов XX века возникло восприятие культуры как сочетание множества субкультур, а также понимание того, что культурные и художественные практики непосредственно формируют будущее. Актуальное искусство всегда являлось зоной эксперимента, где отрабатывались техники художественного, а затем, и социального поведения. Отсюда – постоянно растущее внимание к современному актуальному искусству, а также новым формам, которые позволяют зрителю участвовать в культурных мероприятиях, а не просто быть потребителем. Таким образом, культурный процесс перестает существовать в монологической форме и становится диалогическим. Понятие мультикультурализма на Западе стало нормой уже в семидесятых годах прошлого века. В это время там были выработаны технологии «культуры участия». Элементы мультикультурного общества присутствуют и в современной России. Но все они в основном выживают сами, на энтузиазме организаторов, не пользуются поддержкой власти. И понятно почему: восприятие культуры как множества субкультур, являющихся ценностью не для всех, а только для определенных групп, вступает в противоречие с доминирующим восприятием культуры как классического наследия, имеющего безусловную ценность.

Динамичные, смешанные культуры местного и глобального масштаба (так же как регионального и национального) требуют от культурных политиков новых инструментов, которые должны работать с экономическими аспектами культуры – и не просто как часть её системы распространения, но как часть производства, как часть самой экосистемы творческого производства и творческого потребления. Это не довод против традиционной или «высокой» культуры. Напротив, часто именно она получает преимущества в силу своего экономического положения. «Высокая культура», продвигаемая как национальное богатство, фактически более глобализирована, чем многие формы «массовой культуры», и может устанавливать высокие тарифы и цены

¹² Андрей Немзер. Имидж превыше всего. // Время новостей (Москва).- 03.03.2004.

¹³ Министр культуры РФ М.Е.Швыдкой, выступая 12 марта 2003 года в рамках семинара «Культура как ресурс развития регионов» в Чебоксарах, выделил две основные тенденции в культурной стратегии России – сохранение материальных и нематериальных традиций и модернизация, как инфраструктуры, так и сознания населения (Пресс-служба Министерства культуры и по делам национальностей Чувашской Республики).

¹⁴ Неразрешимый парадокс Руссо заключался в том, что поскольку «общая воля» открывалась лишь чистому индивидуальному разумению, постольку любая ассоциация людей, устанавливающая связи между ними и тем самым замутняющая их индивидуальное разумение, препятствовала выявлению «общей воли». Иными словами, ассоциация, возникающая на основе общественного договора как реализация «общей воли», своим существованием делала невозможным ее адекватное проявление. (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938)

(достаточно взглянуть на репертуар хорошо субсидируемых национальных или городских оркестров и опер по всему миру). У Эрмитажа и Мариинского театра в Санкт-Петербурге нет проблем с привлечением иностранных инвестиций – именно потому, что их ясные экономические преимущества в смысле туризма и образа города не вызывают сомнений. Всё это хорошо – но политика разнообразия должна иметь дело с повседневным и современным, а значит, и с рынком, и с экономикой. Повседневная современная культура обладает динамикой и жизненной силой, несет в себе творческий потенциал, но не терпит деспотического вторжения – превращения в инструмент контроля над «нашим» государством, «нашей нацией». И если государство решит предоставить эту культуру самой себе, это должен быть сознательный выбор, а не акт «умывания рук». Именно в этом – главный вызов грядущего десятилетия.

Россия, вступая в мировое сообщество, неизбежно подпадает под влияние глобальных тенденций развития, связанных с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. Идущая регионализация — фактически один из наиболее осязаемых результатов этого влияния. Поэтому перед нами не стоит выбор – следовать или не следовать этим тенденциям. Проблема в другом. Сможем ли мы в этой новой ситуации сохранить свою культуру, традиции, свою идентичность «встроив» ценности, наследие как культурный ресурс в глобальные процессы трансформации. В России нет проблемы с глубиной культурного слоя, нет проблемы с культурными ресурсами. На это мы пожаловаться не можем. Чего нам не хватает, так это способа организации: как с этим культурным слоем можно работать, и каким образом он может стать ресурсом развития самой культуры.

Только нет пока четкого ответа на вопрос: по какому пути мы хотим идти. И у властей нет понимания, что культура может быть экономическим фактором и мотором развития, а не только затратной областью. Это первое. Второе: культура в России воспринимается очень узко – как традиционные институции вроде музеев, театров, библиотек, которые привыкли жить в дотационном режиме и не могут в силу разных обстоятельств, в том числе и законодательных, заниматься нормальным бизнесом. В Европе научились развивать коммерческую составляющую в культуре, привлекая негосударственные деньги для некоммерческих проектов. Если говорить о России, то наш бизнес морально к таким отношениям готов, а технически – нет, потому что еще не отработана схема взаимовыгодных отношений¹⁵.

Только использование наиболее современных и адекватных инструментов управления и привлечение разнообразных источников финансирования позволит сохранять и развивать творческий потенциал учреждений культуры и искусства. Одним из таких инструментов сегодня являются конкурсы социальных и культурных проектов. Они становятся неотъемлемой частью жизнедеятельности организаций, как в негосударственном, так и в государственном секторе. Сегодня выигрывают такие культурные институции, которые умеют объяснить властям, публике и бизнесу, зачем они нужны, на языке властей, публики и бизнеса. Культура должна перестать представлять себя и поддерживать мнение общественности в том, что эта сфера человеческой деятельности носит исключительно затратный характер. Менеджер культуры должен выступать инициатором в организации процесса взаимодействия учреждений культуры с учреждениями образования, спорта, частным бизнесом, бюджетными организациями разного профиля и с общественными организациями населения конкретной территории.

Культура может создать условия как для создания новых рабочих мест на территории (малый бизнес в народных промыслах, исторически традиционные для

¹⁵ «Несмотря на огромный интерес к культурным проектам со стороны бизнес-сообщества, готового вкладывать в них деньги, государство все еще не создало для этого достаточных правовых и экономических условий» из выступления Президента РФ В.В.Путина на заседании Госсовета № 10 «Приоритеты развития российской культуры», 16 июня 2003 года, Санкт-Петербург. Архив заседаний Госсовета РФ и Президиума Госсовета РФ <http://president.kremlin.ru/stcevents/2004.shtml>

данной территории виды занятости, туристические компании и другие виды деятельности), так и привлечь на территорию инвестиции с целью создания новых видов деятельности. Необходимо шире использовать потенциальные возможности культуры по повышению имиджа, привлекательности территорий, повышению известности и популярности памятников культуры, традиций и обычаев, событий развлекательного и досугового характера. Максимальную полезность для развития территории культура может обеспечить в своих разнообразных проявлениях:

- как форма организации качественного досуга;
- как система информационного и образовательного наполнения;
- как база для развития этнического, культурного, религиозного, событийного туризма;
- как основа для сохранения и развития национальных культур, языка, традиций и промыслов.

Современная культурная политика, в конечном счете, превращается в совместные усилия построения гражданского общества, в котором коммуникация, информация и взаимопонимание между культурами станут нормой, и разнообразие культурных ценностей, этических представлений и модели поведения будут способствовать росту демократической политической культуры. Культура является неустрашимым четвертым измерением современного социального проекта наряду с рыночной экономикой, правовым государством и гражданским обществом. Ориентиры и цели культурной политики, безусловно, связаны с обеспечением суверенности человека как базовой ценности демократического общества.

Как же обстоит дело с культурной политикой сейчас? Прежде всего, надо понять, что культурной политики не может не быть, она уже осуществляется, пока мы думаем, какую политику выработать: есть, например, культурная политика власти по отношению к современному искусству, но есть и культурная политика самого современного искусства¹⁶. Власть не поддерживает современное искусство, поскольку она вообще не определилась со своим отношением к идее современности. Дело в том, что это требует формулирования отношения к советскому периоду истории (ведь это была как раз попытка модернизации – причем во многом более удачная, чем нынешняя), а к этому власть пока не готова. Кроме того, осознание ценности современного искусства (искусства "меньшинства") возможно только в том случае, если приоритетом власти являются права меньшинств, права человека вообще. Пока эти вопросы не решены, статус современного искусства достойным не будет, и попытки влиять на сам статус будут локальными. В свою очередь, современное искусство утрачивает критическую составляющую, без которой искусство перестает иметь отношение к культурной политике, превращается в рефлексию бессознательного. Причина такой ситуации - отсутствие в нашей стране общества. Искусство само по

¹⁶ Постсоветская власть имеет свои культурные приоритеты (реставраторские, националистические тенденции, коммерческий кич). В мире же российского современного искусства – если исключить чисто коммерческую деятельность – существуют сейчас три типа культурной политики. 1) Новая пассивность, которой придерживается большинство музейных работников, кураторов и журналистов. Она состоит в тихом реагировании на то, что происходит: отслеживании выставок в рецензиях, негромком осуждении культурной политики власти, вялом комбинировании выставок из готовых работ на несложно придуманную тему. В основе всего этого лежит выжидание, непонимание своей ответственности и принципиальное неверие в то, что "у нас есть в искусстве что-то стоящее". 2) Новая активность, которая провозглашена несколькими заметными фигурами арт-сцены. Эта позиция сугубого прагматизма и сводится к интенсивному экономическому и политическому лоббированию. Проблема в том, что это неизбежно требует девальвации критического статуса искусства, что постепенно начинает сказываться на художественном качестве выставочных проектов. Политика эта при ближайшем рассмотрении оказывается довольно изоляционистской, так как нацелена на устраивание "национального современного искусства", к тому же – любой ценой. 3) Новый технологизм (тоже прагматический). Он наименее публичен, так как его адепты не выступают в газетах ни в качестве интервьюеров, ни в качестве интервьюируемых. Они идут непосредственно в народ, читая лекции, устраивая тренинги или выставки, причем последние понимаются тоже как форма тренинга. С этой точки зрения все хорошо, что стимулирует деятельность неких общественных микросред, а критерий радикализма вообще не работает. Здесь есть своя угроза: опасность непрофессионализма, релятивизма и утраты критериев качества. (Е. Деготь. Как обстоит дело с культурной политикой сейчас. // www.artinfo.ru)

себе, конечно, не изменит этой ситуации. Зато искусство могло бы осознать свою потенциальную влияние в этих вопросах – модернизации и правах человека, и говорить об этом эксплицитно. Тогда, возможно, ситуация начала бы меняться¹⁷.

Вопрос культурной политики страны, это в первую очередь вопрос культуры отношений власти с культурой и культуры с властью. Когда творческая интеллигенция требует, чтобы министр культуры стал вице - премьером, потому, что у правительства на самом деле деньги на культуру есть, просто оно не хочет отнять их у бандитов, олигархов. Когда обсуждается, каким образом можно поставить культуру на место идеологии, и чем в культуре придется пожертвовать для этого. Когда во главу культурных ценностей не клерикального государства вставляются православные ценности. Когда бросается и поддерживается лозунг отделить культуру от государства как церковь, но при этом пусть государство ей платит. Когда бесконечно педалируется ролевое "мы - честные художники", "они - воровское правительство", все попытки конструктивного сотрудничества представляются бессмысленными и преждевременными¹⁸.

Парадокс переходного периода состоит в том, что молодежь ориентируется в жизни страны адекватней, чем старшее поколение деятелей культуры. Большинство деятелей культуры ощущает себя потерянным классом общества, не способным ассимилироваться в современной жизни по причине войн, революций и прочих социальных катастроф. Часть из них существовала в доперестроечной жизни в качестве общенародных любимцев, часть в роли фигур, широко известных в узком кругу. Кто-то предпочитал славу и деньги, кто-то сознательно выбирал асоциальность. Значимые вчера, но по разным правилам, деятели культуры оказались уравненными в правах, что является для них дополнительной травмой. Они вместе заболели синдромом аутсайдерства по отношению к жизни. Сегодня они все вместе нуждаются гораздо больше в психологической, социализирующей, а не одной только материальной помощи правительства. Спасение современной культуры должно начинаться с состояния ее сознания, с последующего ее включения в будни страны не в качестве критикующей и паразитирующей наблюдательницы, а в качестве активной интеллектуальной среды, реагирующей на какие-нибудь социальные раздражители, кроме собственного пустого кошелька. Сосредоточив усилия на этой задаче, творческая интеллигенция не только поможет российской культуре, но и прекратит бесполезную генерацию антиправительственной и антиреформенной идеологии, апокалиптических и антироссийских настроений деятелей культуры в СМИ, рождающихся из неврастения и безграмотности.

Только ощущая себя единым цехом, деятели культуры могут формировать свою гражданскую позицию, идеологическую зрелость и идею исторической ответственности, традиционно понимаемую в России как духовная миссия интеллигенции. Автономия областей культуры, делающая художественную среду разрозненной, одна из серьезнейших проблем единого гуманитарного пространства в

¹⁷ «Рассуждая о том, куда движется современная культура, мы должны понять - куда сегодня движется человек. А он движется к примитиву, к минимализации, к своей естественной животной природе. Современная культура - это очень простая фигура, кубик - чтобы с ним поиграть, не нужно напрягаться, затрачивать энергию. Эдакая убаюкивающая, успокаивающая "времяпроведенческая" культура. Все виды искусства сейчас стремятся к кубику, так как это покупаемо - человеку нужен именно кубик! Для меня такая культура самоуничтожаема - она не развивает человека, не дает ему пространства для поиска, убивает его творческие импульсы. Таким человеком легко манипулировать. Необходимо противостоять этому. Я обожаю людей которые делают не кубики, а более сложные фигуры, и надеюсь, что принадлежу к их числу. Уверена, что наше предназначение - как можно дольше делать замысловатые фигуры, развивая воображение человека» (Татьяна Фролова. Культурные герои XXI века. Издательство GIF 1999г).

¹⁸ М.И.Арбатова. «Лесные дали» или опыт ролевых игр с художественной интеллигенцией./ «Публицистика» на сайте Марии Арбатовой (<http://www.arbatova.ru/publication/2.html>)

нашей стране. Адекватное культурное представительство, собранное по законам пристального изучения интересов культуры, на которое меньше всего похож Президентский совет по культуре, составленный из доверенных лиц на выборах и их теней, могло бы для начала стать банком информации о реальном состоянии культуры. Президентский же совет, средний возраст, профессиональная состоятельность и адекватность на данный момент, которого оставляет желать лучшего, не жизнеспособен в качестве рабочего органа. Это само по себе дискредитирует власть и тормозит возможности ее союза с широкими слоями творческой интеллигенции.

Современная культурная политика должна строиться на основе неиерархических структур вместо того, чтобы играть на поле власти: отстаивать статус и права субкультур (в т.ч. маргинальности) вместо того, чтобы становиться постсоветской элитой, которая саму общественную модель "выездная партэлита и народ-быдло" оставляет без изменений. Культурной элите пора делать выбор между обществом и властью (а также ее прихлебательницей прессой, особенно глянцева). Наше общество ориентировано одновременно и на традицию, и на модернистский проект. При одном условии: если тот и другой обращены лично к нему, защищают его интересы. Если агенты культурной политики признают свою социальную ответственность, не боятся проблематизировать границы социокультурных проектов, ставя вопросы, которые пока не ставит перед собой общество: как жить в расколота на части стране? есть ли границы у демократии? готовы ли мы принять всю полноту ответственности? и что, вообще-то говоря, происходит у нас в стране? В общем, ответственность и достоинство: лозунги культурной политики.